

Национальные и интернациональные репутации российских социологов: Наукометрический анализ¹

Михаил Соколов

С момента своего появления в 60-х² индексы цитирования в научной периодике являются предметом ожесточенных дебатов. Их сторонники утверждают, что изучение цитирования является лучшим способом оценить интеллектуальное влияние и, опосредованно, важность научных достижений. Их противники настаивают на том, что сравнения влиятельности научных работ, основанные на подсчетах цитирований, неизбежно дают искаженные результаты, так как «цитатное поведение» в разных специализациях и академических культурах существенно отличается [1]. Более того, сам факт использования индексов цитирований для выстраивания академической иерархии вносит искажения в коммуникации между учеными, заставляя их не столько заботиться о передаче информации, сколько о наращивании своего рейтинга [2]. Эти возражения имеют под собой серьезные основания. Однако в глазах двух ключевых групп игроков поля науки у индексов цитирования есть достоинства, которые в некоторых контекстах искупают все их бесчисленные недостатки.

Первое из этих достоинств особенно существенно для ведающих наукой бюрократов. Им индексы открыли дверь для внедрения «управления по результатам» и иных менеджериальных изобретений. Наукой было бы значительно легче руководить, принимая интеллектуальные достижения видимые и численно измеряемые формы. Этот факт заставлял администраторов энергично искать подобные формы и, как только появилось что-то похожее на них, немедленно начать это «что-то» повсеместно использовать. Точность измерения переменной в административном контексте зачастую оказывается важнее его валидности. История индексов цитирования в этом смысле является лишь повторением истории всевозможных макроэкономических показателей, таких, как ВВП или индекс Доу Джонса, общеизвестная условность которых не мешает делать их основой для выработки и оценки экономической политики. Появление интернациональных цитирований в качестве основного показателя эффективности работы российских ученых во всевозможных концепциях Минобрнауки, включение импакт-факторов в расчеты Показателей результативности научной деятельности РАН, выделение средств на разработку Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) не

---

¹ Статья основана на заметке, опубликованной на сайте Полит.Ру. Работа автора над индексами цитирования российских социологов была поддержана индивидуальным исследовательским грантом Научного Фонда ГУ-ВШЭ (грант № 08-01-0102 «Интернациональный провал постсоветской социологии: Сравнительный анализ институциональных причин»).

² Точное время и место рождения индексов цитирования могут быть указаны только с известной долей условности. Как и большинство практик, они имели множественные истоки и эволюционировали постепенно. Тем не менее, именно к 60-м относятся первые работы в которых подсчет цитирований в академической периодике превращается в один из основных методов исследования науки.

оставляют сомнений в том, что триумфальное шествие наукометрических индексов не обойдет Россию стороной.

Второе достоинство относится к области политики академического мира. Институты науки должны производить новое и лучшее знание. На уровне здравого смысла кажется очевидным, что оптимальное решение этой задачи требует сосредоточения ресурсов в руках индивидов и коллективов, обладающих наибольшим творческим потенциалом, подразумевая под ресурсами как финансовые и административные возможности, так и столь же дефицитное внимание коллег. Проблема состоит в том, чтобы выделить наиболее достойных. Дело осложняется тем, что – как верит подавляющее большинство членов западных обществ, кроме отдельных поклонников Фейерабенда и Латура – только сами ученые могут уровень достижений своих коллег. Однако, к несчастью, они совсем не всегда готовы делать это добросовестно. Академический мир высококонкурентен. Как знает каждый, кто с ним когда-либо соприкасался, клики ученых могут стремиться сохранить свое привилегированное положение, ограничивая доступ членов других клик к ресурсам, необходимым для производства научных результатов, или просто игнорируя эти результаты, когда они уже получены. Корпоративной антиутопией Академии является состояние, в котором все контролирующие распределение дефицитных ресурсов позиции – посты экспертов в фондах и правительственных агентствах, места в диссертационных советах и редакционных коллегиях, должности в правлениях профессиональных ассоциаций и т.д. – захвачены кланом, обладающим ничтожным творческим потенциалом, но, при этом, достаточно организованным, чтобы подавить любую оппозицию – или, как вариант, несколькими локальными кланами, каждый из которых контролирует свою институциональную «территорию».

Возможно, главным, хотя и не всегда четко формулируемым, достоинством индексов цитирования, являются те проблемы, которые они создают для такого истеблишмента. Подобная форма академической власти строится на двух основаниях: во-первых, на сравнительно немногочисленности ключевых позиций, и, во-вторых, на том, что внешние по отношению к данной области науки акторы вынуждены полагаться на экспертизу небольшого числа инсайдеров в оценке всего происходящего в ней. Общенациональный научный фонд или аттестационная комиссия создает экспертный совет, в который входит от силы два десятка экспертов, и в дальнейшем вынуждены полностью полагаться на мнение этих избранных индивидов. Если выбор был сделан – с точки зрения развития науки – неудачно, то исправить ошибку уже практически невозможно, особенно учитывая, что самым частым механизмом пополнения корпуса экспертов является кооптация.

Исследование цитирований, предположительно, лишено именно этого главного недостатка. Цитирования можно сравнить с постоянным плебисцитом, в ходе которого каждый автор отдает свой «голос» за коллег, внесших существенный, с его или ее точки зрения, вклад в научную дискуссию. Каждый, кто в состоянии написать статью, имеет голос, и никто не распоряжается достаточным количеством голосов, чтобы изменить ход голосования в целом. Что столь же существенно, результаты «голосования» могут быть подсчитаны аутсайдерам и напрямую, без обращения к инсайдерам в качестве посредников.

Чтобы подсчитать количество ссылок в геологических журналах, не обязательно быть геологом. Проблематичным местом в этой схеме остается сам доступ на страницы периодики. Редакции журналов могут в известной степени определять, кто и сколько цитируется на их страницах – и часто пользуются этой возможностью. Автор как-то стал слушателем монолога российской коллеги, которая жаловалась на то, что известный отечественный журнал потребовал от нее *«во-первых, сократит число соавторов. Мол, у вас их пять, оставьте трех. Во-вторых, почему у вас так много ссылок на английском? Все равно эти статьи у нас читать никто не будет. В-третьих, сошлитесь на N. У него скоро юбилей, сделайте человеку приятное. Я им отвечаю: зачем я буду ссылаться на N., если я с ним не согласна? Они мне – все равно сошлитесь»*. Тем не менее, издержки, связанные с осуществлением подобного контроля над цитированием, кажутся слишком большими, чтобы полностью определить содержание индексов в национальном масштабе. Переписка отнимает время и силы у редакции, и каждый такой случай неизбежно становится затем достоянием гласности, значительно сокращая количество статей, которые журнал в дальнейшем имеет шансы привлечь от недовольного автора и его/ее знакомых (процитированный выше монолог заканчивался словами *«я теперь в жизни туда ничего не пошлю»*).³ Учитывая, что в «голосовании» могут участвовать и представители других национальных академических систем со своими собственными журналами, политический контроль со стороны какой-то одной клики над всем потоком цитирований становится исключительно маловероятным.

Далее в статье предлагаются подсчеты индексов цитирований российских социологов в двух базах данных, одной – российской, одной – американской. Затем на их основании формулируются некоторые выводы о характере спроса на идеи отечественных социологов и об интеллектуальной жизни в нашем профессиональном сообществе в целом. Наконец, в заключении делается попытка поместить эти выводы в более широкую сравнительно-историческую перспективу.

Процедура и выборка

Для получения приведенных ниже показателей были использованы две системы анализа цитирований: уже упоминавшийся РИНЦ и Web of Science Института научной информации (ISI).⁴ Поскольку ни та, ни другая система в настоящий момент не позволяют выстроить рейтинг цитируемости российских авторов автоматически⁵, первым шагом к его получению было составление списка позиций,

---

³ Последняя угроза действительна, разумеется, только там, где есть значительное количество журналов и известная конкуренция за хорошие статьи между ними.

⁴ РИНЦ является открытым ресурсом (<http://www.elibrary.ru>), доступ к WS есть у нескольких российских институтов (список см. на <http://www.isiwebofknowledge.com/>). Автор анализировал цитирования также в базах данных Scopus и Google Scholar. Индексы, полученные с помощью двух последних не отличались принципиально от таковых в WS и в целях экономии места не приводятся.

⁵ РИНЦ предусматривает соответствующую опцию, но, кажется, до ее активации у разработчиков еще не дошли руки. WS позволяет получить список наиболее цитируемых индивидов, однако для целей данной статьи эта функция оказалась бесполезной: вся информация об авторах вводится латиницей, и получить отдельный рейтинг для российских социологов невозможно, а извлекать соответствующую информацию из списка в десятки тысяч сокращенных

которые, предположительно, занимают самые авторитетные и влиятельные исследователи. Подсчет цитирований затем производился для каждого из тех, кто занимал хотя бы одну из этих позиций. Список кандидатов в известные социологи, таким образом, был получен путем слияния нескольких других: (а) списка авторов самых цитируемых статей по социологии, указавшие российское научное учреждение в качестве места работы; (б) списка авторов и редакторов книг по социологии, выставленных на продажу на сайте OZON.ru; (в) академиков и член-корреспондентов РАН, указавшие социологию в качестве области своих интересов; (г) членов экспертных советов ВАК, УМО и РГНФ по социологии; (д) российских членов редколлегии крупнейших социологических журналов («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социология: 4М», «Мир России»); (е) членов правлений профессиональных ассоциаций (РОС, РоСА, ССР, СПАС, СоПСО, Общество М.М.Ковалевского); (ж) социологов, удостоившихся персональной статьи в российской Википедии; (з) авторов статей и ученых, чаще всего упоминаемых в обобщающих публикациях по социологии (например, «Социология в России» 1998 года, под ред. В.А.Ядова); (д) докладчиков на пленарных заседаниях и членов Программных комитетов социологических Конгрессов. В выборку включались только ныне здравствующие ученые, являющиеся сотрудниками какой-либо из российских научных организаций. Получившийся список включал немногим более 200 имен, по которым и проводился поиск.

Результаты

Ниже приводятся данные вначале по цитированию в русскоязычных, а затем – в англоязычных публикациях.

Таблица 1. Цитирование российских социологов в русскоязычных публикациях по версиям РИНЦ и Web of Science (первые 25 имен)

	Имя и аффилиация	Число цитирующей статей в социологических изданиях в базе РИНЦ	Имя и аффилиация	Число цитирующих статей в русскоязычных изданиях в базах SSCI A&HCI
1.	Лев Гудков («Левада-Центр»)	101	Игорь Кон (Институт этнографии и	290

фамилий и заголовков - весьма трудоемкое и чреватое ошибками занятие. Кроме того, WS демонстрирует поразительную непоследовательность в предпочитаемых транслитерациях. Так, Юрий Левада закодирован как минимум четырьмя разными способами (Yu., Iu., J. и U. Levada), и ссылки на него оказались бы в рейтинге, автоматически составленном WS, в четырех разных местах. В свете этого, ручной поиск по заранее составленному списку фамилий, видимо, был оптимальным способом оценить частоту цитирований того или иного автора. Тем не менее, вследствие многообразия транслитераций, нельзя ручаться за то, что все варианты написания того или иного имени были предусмотрены. Следующие ниже данные по цитированию в базах ISI, таким образом, должны рассматриваться как предварительные.

			антропологии РАН)	
2.	Борис Дубин («Левада-центр»)	81	Владимир Ядов (ИС РАН - ГУГН)	233
3.	Татьяна Заславская (МВШСЭН)	79	Галина Андреева (психфак МГУ)	202
4.	Жан Тощенко (ИС РАН - РГГУ)	60	Жан Тощенко (ИС РАН – РГГУ)	161
5.	Владимир Ядов (ИС РАН - ГУГН)	57	Татьяна Заславская (МВШСЭН)	141
6.	Вадим Радаев (ГУ-ВШЭ)	54	Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)	139
7.	Юрий Резник (Российский институт культурологии)	52	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	102
8.	Овсей Шкаратан (ГУ - ВШЭ)	42	Николай Лапин (ГУ-ВШЭ)	86
9.	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)		Андрей Здравомыслов (ИС РАН – ГУ ВШЭ)	74
10.	Альберт Кравченко (ИС- РАН - соцфак МГУ)		Олег Яницкий (ИС РАН)	53
11.	Наталья Тихонова (ИС РАН – ГУ-ВШЭ)	37	Теодор Шанин (МВШСЭН)	51
12.	Николай Лапин (ГУ - ВШЭ)	32	Леокадия Дробижева (ИС РАН)	
13.	Андрей Здравомыслов (ИС РАН – ГУ ВШЭ)	31	Овсей Шкаратан (ГУ-ВШЭ)	
14.	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	30	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	50
15.	Леокадия Дробижева (ИС	29	Наталья Римашевская	46

	РАН)		(ИСЭПН РАН)	
16.	Леонид Ионин (ГУ–ВШЭ – ИС РАН)	28	Василий Патрушев (ИС РАН)	45
17.	Зинаида Голенкова (ИС РАН)	26	Альберт Кравченко (ИС РАН - соцфак МГУ)	43
18.	Франц Шереги (Центр социального прогнозирования)	24	Рывкина Инна (ИСЭПН РАН)	39
19.	Сергей Кравченко (МГИМО)	23	Лев Гудков («Левада-Центр»)	36
20.	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)		Владимир Магун (ИС РАН)	34
21.	21 и 22. Светлана Барсукова (ГУ- ВШЭ) и Юрий	20	21. Зинаида Голенкова (ИС РАН)	33
22.	Арутюнян (Российская Академия Наук)		Наталья Тихонова (ИС РАН) и Сергей Кравченко (МГИМО)	31
23.	23. Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)			
24.	24-25. Инна Девятко (ГУ – ВШЭ) и Владимир	17	24. Франц Шереги (Центр социального прогнозирования)	27
25.	Добреньков (соцфак МГУ)		25. Елена Ярская- Смирнова (Саратовский Государственный Технический Университет)	26

Различия в этих рейтингах требуют нескольких комментариев, относящихся как к возможностям и ограничениям индексов цитирования в целом, так и к любопытным особенностям постсоветской социологии. Любой индекс цитирования исходно предполагает принятие весьма спорного решения: какие издания включать в базу? Список журналов, которые РИНЦ индексирует и считает

социологическими, не может временами не вызвать недоумения. Так, в нем отсутствует старый и популярный «Социологический журнал», зато присутствуют «Вестники» девяти университетов и несколько экзотические «Сервис plus» и «Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета»; отсутствуют «Политические исследования», печатающие массу статей по вполне ортодоксальной политической социологии, зато присутствует публицистическое «Высшее образование в России».⁶

В отличие от РИНЦ, зачисляющего в категорию «социологических» целые журналы, WS сортирует по дисциплинам отдельные статьи, учитывая, что текст по социологии может появиться и в междисциплинарном или вовсе несоциологическом журнале.⁷ В целом, это кажется разумным решением. Однако конкретные сортировки, произведенные сотрудниками Института научной информации, часто вызывают недоумение. Так, самая цитируемая статья, написанная российским социологом не в соавторстве с западными коллегами (которое, как правило, обозначает, что российский участник группы собирает данные, а западные – пишут текст, ориентируясь на хорошо известные им нормы академического письма) была отнесена к категориям *economics* и *political science*, а не *sociology* – несмотря на то, что ее автор всегда уверенно идентифицировал себя именно с социологией.⁸ Поэтому в этой статье данные о цитировании в WS приводятся без учета группировки по дисциплинам, предложенной создателями базы. Именно это объясняет (во всяком случае, частично) более высокие показатели Игоря Кона и Галины Андреевой в рейтинге по версии WS. Поскольку подсчет русскоязычных цитирований в нем производился по выборке, включающей издания по всем социальным и гуманитарным наукам (базы *Social Science Citation Index* и *Arts and Humanities Citation Index*), исследователи с междисциплинарной специализацией оказались в более выгодном положении.

Основные различия между двумя рейтингами, однако, связаны с другим обстоятельством. Рейтинг WS отражает распределение цитирований за последние несколько десятилетий (так, «Социологические исследования» индексировались с 1974 года), в то время как в базу РИНЦ в настоящее время входят преимущественно недавние номера журналов (более 80 % - за последние 5 лет). Различия между двумя столбцами в Таблице 1 фиксируют изменения в составе наиболее цитируемых отечественных социологов, произошедшие в этот период.

---

⁶ Для сравнения с приведенными выше данными, индекс цитирования Пьера Бурдьё составляет 67, а Энтони Гидденса – 54. Всего на Бурдьё сослалось 254 статьи, однако, большая их часть (74 %) оказалась в журналах, которые РИНЦ не считает социологическими. К несчастью, поиск по всей базе, без учета дисциплинарных делений, оказался бы запредельно трудоемким предприятием, поскольку потребовал бы ручной сортировки нескольких сотен обладателей одинаковых фамилий, многие из которых имеют идентичные инициалы. Все данные в этой заметке основаны на выборке из 9277 статей в изданиях, отнесенных составителями РИНЦ к категории социологических.

⁷ Скажем, классическая статья Мерттона об «эффекте Матфея», вышедшая в *Nature* [3].

⁸ Статья Вадима Волкова [4], 25 цитирований. Для создания верного ощущения масштаба при чтении этих таблиц надо сказать, что более 1000 цитирований в *SSCI* соответствует в социологии уровню живого классика калибра Гарфинкеля, 500-1000 дают доминирующую фигуру в какой-либо предметной области исследований, а 100-500 соответствуют важной фигуре в одной из таких областей.

Эти изменения отражают важные сдвиги в том, какого рода тексты пользовались наибольшим спросом среди коллег, и какие стратегии их продвижения давали наилучшие результаты.

Сравним теперь эту таблицу с другой, отображающей цитирование российских социологов в статьях на иностранных языках, вошедших в Web of Science – отдельно за последние 5 лет и за весь период, индексированный WS.

Таблица 2. Цитирование российских социологов в публикациях на иностранных языках по версии Web of Science (первые 25 имен)

	Имя и аффилиация	Цитирующих статей на иностранных языках после 2002 года	Имя и аффилиация	Цитирующих статей на иностранных языках во всей базе ISI
1.	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	103	Теодор Шанин (МВШСЭН)	609
2.	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)	70	Игорь Кон (Институт этнографии и антропологии РАН)	379
3.	Теодор Шанин (МВШСЭН) и Лев Гудков («Левада-центр»)	68	Вадим Волков (Европейский университет в СПб)	185
4.			Татьяна Заславская (МВШСЭН)	170
5.	Ольга Крыштановская (ИС РАН)	62	Ольга Крыштановская (ИС РАН)	131
6.	Олег Хархордин (Европейский университет в СПб)	60	Олег Хархордин (Европейский университет в СПб)	117
7.	Вадим Радаев (ГУ-ВШЭ)	46	Лев Гудков («Левада-центр»)	113
8.	Борис Дубин («Левада-центр»)	44	Михаил Руткевич (Российская Академия Наук)	96
9.	Наталья Римашевская (ИСЭПН РАН)	35	Наталья Римашевская (ИСЭПН РАН)	90
10.	Елена	15	Вадим Радаев (ГУ-	86

	Здравомыслова		ВШЭ)	
11.	(Европейский университет в СПб),		Галина Андреева (психфак МГУ)	84
12.	Геннадий Осипов (ИСПИ РАН), Олег Яницкий (ИС РАН)		Леокадия Дробижева (ИС РАН)	82
13.	Татьяна Заславская (МВШСЭН) и	13	Леонид Ионин (ГУ-ВШЭ)	80
14.	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)		Геннадий Осипов (ИСПИ РАН)	78
15.	Галина Андреева (психфак МГУ) и	12	Борис Дубин («Левада-центр»)	70
16.	Наталья Тихонова (ИС РАН)		Овсей Шкаратан (ГУ-ВШЭ)	61
17.	Леокадия Дробижева (ИС РАН)	11	Андрей Здравомыслов (ГУ-ВШЭ – ИС РАН)	54
18.	Владимир Магун (ИС РАН)	10	Владимир Магун (ИС РАН)	49
19.	Елена Омельченко (Ульяновский государственный университет)	9	Инна Рывкина (ИСЭПН РАН)	47
20.	Андрей Здравомыслов (ИС РАН - ГУ-ВШЭ),	8	Олег Яницкий (ИС РАН)	46
21.	Михаил Руткевич (Российская Академия Наук) и		Жан Тощенко (ИС РАН – РГГУ)	43
22.	Жан Тощенко (РГГУ – ИС РАН)		Николай Лапин (ГУ-ВШЭ)	36
23.	23-26. Сергей Голод (Социологический институт РАН),	7	Сергей Голод (Социологический институт РАН, СПб)	31
24.	Леонид Ионин (ГУ-ВШЭ), Анна Темкина (Европейский университет в СПб),		Елена Здравомыслова (Европейский университет в СПб)	24
25.	Овсей Шкаратан (ГУ-ВШЭ)		Владимир Ядов (ИС РАН – ГУГН)	23

Совпадение между этими таблицами менее значительно, чем можно было бы ожидать. Списки 25 наиболее цитируемых в последние годы на русском и иностранных языках социологов имеют лишь 14 общих фамилий. При этом из 10 занимающих первые строчки во второй таблице, на которых приходится более $\frac{3}{4}$ всех цитат на иностранных языках (576 из 746), в первой таблице фигурируют лишь 4 (Дубин, Гудков, Кон и Радаев). Некоторые из имеющих очень высокий индекс русскоязычного цитирования не получают практически никакого цитирования на иностранных языках (Юрий Резник – 1 ссылка на иностранном языке в WS после 2003 года, Альберт Кравченко - 3, Сергей Кравченко – 2 и т.д.). Обратное тоже верно: на многих из активно цитируемых иностранными коллегами практически не ссылаются коллеги российские (Вадим Волков – 8 ссылок в РИНЦ, Олег Хархордин – 4).

Выводы

1. Первый вывод и главный вывод напрямую следует из только что сказанного. *Связь между национальной и интернациональной известностью российских ученых оказывается относительно слабой.* Можно быть известным российским социологом за пределами России – и практически неизвестным массам коллег в ней, и наоборот. На внутреннем и внешнем «рынках идей» господствует спрос на разные типы работ. Бросающимся в глаза обстоятельством оказывается преобладание в цитируемой на русском языке в последние годы литературе вузовских учебников. Книги Юрия Резника, Альберта и Сергеев Кравченко, Геннадия Осипова, Леонида Ионина и Владимира Добренькова, а также (в несколько меньшей степени) Вадима Радаева и Инны Девятко, привлекающие больше всего ссылок, представляют собой учебные пособия.

Строго говоря, сам по себе этот паттерн не является новым. Книги Игоря Кона, Владимира Ядова и Галины Андреевой, больше всего цитировавшихся в предыдущий период, также привлекали значительную часть аудитории, лишенной прямого доступа к западной литературе, тем, что предлагали адаптированную к потребностям советского и постсоветского читателя ретрансляцию западных теорий (или, в случае Ядова, исследовательских стратегий). Снятие идеологических ограничений, сдерживавших институционализации социологии, лишь сделало эту тенденцию более явной, превратив университетский учебник в доминирующий жанр в российской интеллектуальной экологии. Самым простым способом добиться высокого цитирования в российской социологической периодике, видимо, будет написать читабельный учебник по теме, которую еще никто не «закрыл», но которая присутствует в Госстандарте, и добиться присвоения ему грифа УМО.⁹ Кажется, из сравнительно молодых исследователей, получивших значительную известность в России, только «школа Левады» (Гудков, Дубин, Левинсон) обошлась без обращения к этому средству.

По хорошо понятным причинам, российские учебники и их авторы привлекали значительно меньше цитирований со стороны западных коллег. Впрочем, стандартные университетские учебники в целом цитируются ими

---

⁹ Общеизвестная важность последнего показывает, что «административный ресурс» сохраняет свое значение в России в том числе и в борьбе за интеллектуальное признание.

значительно меньше, уступая первоисточникам. Во-вторых, поскольку российские учебники в заметной степени представляют собой в содержательном смысле пересказ западных учебников, обратная ретрансляция их содержания и вовсе теряет всякий смысл. Описать спрос со стороны западных коллег, который некоторые российские исследователи все же смогли успешно удовлетворить, несколько сложнее. Здесь, по всей видимости, произошли существенные изменения за последние 20 лет. Железный Занавес, а также общая закрытость и искаженность официальной статистики в СССР, делали любую информацию о советском обществе дефицитным товаром. Поэтому даже сырые и неполные сведения о, например, настроениях рабочего класса или уровнях социальной мобильности в нем воспринимались за его пределами как сведения огромной ценности. Более того, поскольку на протяжении всей эпохи холодной войны СССР служил для «свободного мира» своеобразной референтной группой, взгляды советских интеллектуалов воспринимались с интересом, который они вряд ли могли бы вызвать в иных условиях. Советский автор, который написал бы статью по-английски со своими комментариями к Гарфинкелю, мог бы твердо рассчитывать, что ее примут в любом западном журнале, если только она достигнет его редакции – просто в силу интереса западной публики к загадочным, угрожающим и экзотическим Soviets.

С тех пор этот интерес существенно сократился, если не исчез вовсе. Железный Занавес рухнул и за ним не оказалось ничего интересного. Информация о России перестала быть дефицитом, а сама она превратилась в глазах западных социальных ученых в предмет значительно меньше важности, чем была прежде.¹⁰ Критерии, по которым оценивались работы постсоветских коллег, существенно изменились – и, в целом, стали значительно строже. Привлекшие значительное англоязычное цитирование тексты, опубликованные после 1990 года, разительно отличаются по жанру от аналогичных текстов предшествующих десятилетий. Наиболее цитируемые в статьях на иностранных языках работы этого периода условно можно разделить на две группы. К первой относятся тексты авторов, зачастую получивших образование на Западе, которые в полной мере включились в англоязычную теоретическую дискуссию, примкнули к интернациональным интеллектуальным движениям и производили значимые, с точки зрения других их членов, результаты, опираясь на исследования российского случая. К этой группе относятся работы Вадима Волкова и Вадима Радаева по неоинституциональной экономике, Олега Хархордина – по генеалогии российской личности и «актор-сетевой теории», Елены Здравомысловой и Анны Темкиной – по гендерной социологии, Елены Омельченко – по культуральным исследованиям молодежи, а также некоторые другие. Наибольшая концентрация исследователей из этой группы обнаруживается в Европейском университете в Петербурге. Ко второй группе принадлежат работы, поставившие факты о России, которые были

---

¹⁰ Этот спад интереса легко проследить по динамике англоязычных социологических публикаций, посвященных советской/российской социологии. С 1955 по 1990 в США вышло по меньшей мере 7 книг, а в ведущей периодике появилось по меньшей мере 15 статей, посвященных социологии в СССР [5]. С 1990 не появилось ни одной аналогичной работы, описывающей состояние и развитие социологии в России (в 2004 вышло переиздание книги Элизабет Вайнберг с новым послесловием).

востребованы аудиторией западных славистов. Отличительной чертой этой группы работ было то, что они опирались на масштабные эмпирические исследования (как правило, количественные) и отвечали на вопросы, которые задавала себе междисциплинарная аудитория, интересующаяся Россией: каково социальное происхождение современной российской политической элиты? (Ольга Крыштановская) изменяется ли положение женщин в России? (Наталья Римашевская) насколько распространены в России националистические настроения? (Борис Дубин, Лев Гудков, Алексей Левинсон). Работы Теодора Шанина попадают в обе эти группы. Несколько особняком стоит Игорь Кон, который, по всей видимости, приобрел в глаза международной аудитории авторитет интеллектуала, выступающего от имени сексуальных меньшинств.

2. Вторым выводом, бросающим тень на саму валидность измерений влияния, основанных на подсчете цитирований, является высокая степень концентрации цитирований конкретных авторов в отдельных изданиях. В российских условиях, в которых журналы, как правило, локализованы в стенах какого-то одного учреждения, и публикуют в первую очередь (иногда – почти исключительно) его сотрудников, индекс цитирования последних часто целиком и полностью определяется тем, попало ли в базу «их» издание. Сотрудники «Левада-центра», занявшие первые две строки в рейтинге РИНЦ, в значительной степени обязаны своим положением тому, что составители Индекса (в отличие от авторов пресловутых списков ВАК) включили в него «Мониторинг...» и «Вестник общественного мнения». Исключение этих журналов из числа изданий, по которым производился поиск, сокращает количество цитирований Льва Гудкова до вполне приличных, но все же менее внушительных, 21, а Бориса Дубина – до 17

Все сказанное выше об индексах цитирования как об аналоге электоральной демократии в сфере распределения академической власти и авторитета не учитывает возможности того, что интеллектуальная жизнь может быть замкнута в стенах отдельных учреждений, в которых символы профессионального признания будут распределяться административными средствами. Действительно, что мешает декану какого-то факультета начать издавать собственный журнал и обязать сотрудников ссылаться на свои труды во всех статьях, печатаемых на его страницах? Полученные лидером такой «школы» индекс цитирования будет достаточно высок, что бы коллеги из внешнего мира ни думали о содержании его учения. Несмотря на видимую неразрешимость этой задачи, адвокаты наукометрии настаивают на том, что возможно сконструировать такой дизайн индексов цитирования, который исключит подобное злоупотребление. Например, включение издания в базу может осуществляться на основании импакт-фактора без учета внутрижурнальных автоцитирований – иными словами, среднего количества ссылок, которые статья в данном издании получает в других изданиях. Эта политика как минимум существенно затруднила бы жизнь лидерам «цитатных картелей».

3. Третий вывод состоит в констатации очевидной *сверхконцентрации интеллектуальной жизни в столицах и отдельных институтах*. Насколько известно автору, из 39 индивидов, перечисленных в общей сложности в обеих

таблицах, 32 (82%) в настоящее время живут и работают в Москве, 5 (13%) – в Петербурге, и только двое за их пределами – в Саратове (Ярская-Смирнова) и Ульяновске (Омельченко). Многие из 32 столичных социологов перебрались в Москву, уже достигнув широкой известности, из Ленинграда (Ядов, Здравомыслов, Андреева) или Новосибирска (Заславская, Рывкина). Более того, из 39 перечисленных 12 (31%) имеют по крайней мере одну из аффилиаций с Институтом социологии РАН, 7 (18%) – с Государственным университетом - Высшей школой экономики (двое имеют обе аффилиации), 4 (10%) – с Европейским университетом в СПб.¹¹ Еще 4 организации числят в своих рядах по двое из героев этой статьи («Левада-центр», Московская высшая школа социальных и политических наук, социологический факультет МГУ, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН). Этот паттерн разительно контрастирует с тем, который мы находим в американской, британской или германской социологии, в которой имеется несколько – обычно между пятью и десятью – разбросанных по стране доминирующих университетов, ни один из которых не имеет безусловного преимущества перед остальными (некоторым отклонением от этого паттерна выглядит только сверхцентрализованная Франция).

4. Наконец, в-четвертых, мы видим *отчетливую поколенческую динамику*. Рассмотрев распределение наиболее цитируемых авторов по годам рождения, мы обнаруживаем, что в обеих таблицах наблюдается всплеск, приходящийся на поколение, появившееся на свет около 1930 года.¹²

Таблица 3. Распределение наиболее цитируемых авторов в РИНЦ и WS (за последние 5 лет) по годам рождения

---

¹¹ Эти подсчеты основаны на данных, полученных от просмотра страниц соответствующих учреждений в Интернете, и могут быть устаревшими или просто неточными. Заранее приношу свои извинения всем индивидам и организациям, в отношении которых я мог допустить ошибку. Тем не менее, не думаю, что расстановка сил принципиально отлична от той, которую отражают эти подсчеты.

¹² Это не исключительно российский паттерн. На пятилетие 1926-1930 годов пришлось рождение Говарда Беккера (1928), Питера Бергера (1929), Пьера Бурдьё (1930), Ральфа Дарендорфа (1929), Джеймса Коулмэна (1926), Никласа Лумана (1927), Юргена Хабермаса (1929), Мишеля Фуко (1926) и еще примерно дюжины авторов, которые вместе составляют современную социальную теорию. Объяснение того, почему поколение, на юношеские годы которого пришлась Вторая Мировая война, оказалось впоследствии настолько интеллектуально продуктивным могут быть чисто институциональным. И на Западе, и в странах социалистического блока, решающие периоды в академических карьерах этого поколения совпали с моментами скачков в институционализации социологии (подробнее см. [7]).

	Годы рождения
1925 и ранее ☐ 1926-1930 ☐ 1931-1935 ☐ 1936-1940 ☐ 1941-1945 ☐ 1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1926-1930 ☐ 1931-1935 ☐ 1936-1940 ☐ 1941-1945 ☐ 1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1931-1935 ☐ 1936-1940 ☐ 1941-1945 ☐ 1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1936-1940 ☐ 1941-1945 ☐ 1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1941-1945 ☐ 1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1946-1950 ☐ 1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1951-1955 ☐ 1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1956-1960 ☐ 1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1961-1965 ☐ 1966 и позже ☐	
1966 и позже ☐	

В списке РИНЦ	1	6	4	3	2	4	1	1	1	2
В списке WS	2	5	6	1	1	3	3	2	3	0

Дальнейшая динамика, однако, различна: в первой строке за этим подъемом следует почти равномерный спад, в то время как во второй после 1945 наблюдается нечто похожее на еще один подъем, хотя и менее выраженный, приходящийся на поколений 1945-1965 годов рождения. Цифры слишком малы для каких-либо статистических заключений, но картина в целом кажется хорошо знакомой по исследованиям в социологии науки: поколение первопроходцев осваивает институциональное и интеллектуальное пространство, оставляя на долю идущих следом лишь значительно более ограниченные возможности. Поколения 1925-1935 годов закрыли собой позиции на внутреннем социологическом рынке и, частично, также на внешнем рынке, на котором существует постоянный спрос на экспертов по «российскому случаю». На этом последнем, однако, их монополия была существенно поколеблена более молодыми коллегами, лучше освоившими «правила игры» западной науки и за счет этого добившимися значительного признания в ней. В свою очередь, кажется, это поколение, оставило мало шансов идущим следом. Ни один из российских исследователей младше 40 лет даже близко не подобрался к 25-й строчке ни в одном из столбцов.

Заключительные замечания

Продолжение аналогии между, с одной стороны, разными механизмами распределения академической власти и академического статуса, и, с другой стороны, разными видами политической организации, открывает интересные перспектива использования в социологии науки категориального аппарата, разработанного неовеберовской сравнительно-исторической социологией [6]. Центральным для Вебера было представление об истории как о борьбе групп, стремящихся к доминированию над остальными. Характер возникающих групп, в свою очередь, определяется природой власти, которая может быть наиболее эффективна в данных исторических условиях. Интеллектуальная конкуренция с этой точки зрения является лишь одним из видов такой борьбы, принося сторонникам возобладавшей теории доминирование в академическом мире, а прогресс науки представляет собой одно из ее побочных результатов.

Однако борьба идей является не единственным способом завоевать место под солнцем в Академии, а интеллектуальное влияние – не единственной потенциально действенной формой академической власти. Наравне с группами, объединенными тем, что их члены сделали ставку на какую-то теорию или метод, существуют группы, власть которых строится на контроле над административными каналами распределения денежных средств и карьерные перспективами внутри формальных организаций. Эта власть, пользуясь терминологией Майкла Манна [8], авторитарна и интенсивна – она может мобилизовать небольшое число индивидов на осуществление значительных усилий по распоряжению тех, кто ей обладает. Напротив, интеллектуальное влияние диффузно и экстенсивно – оно охватывает

большие территории и большее число индивидов, но каждый из них в отдельности подвержен лишь ограниченному ее влиянию. Особенностью индексов цитирования (как и, например, голосований во время выборов) является то, что возможности экстенсивной мобилизации кратковременной, но массовой поддержки, является более существенным ресурсом для их использования в своих интересах, чем интенсивная власть бюрократических кланов.

Разные институты науки могут быть с неодинаковым успехом использованы обладателями разных форм академической власти. Масштабные бюрократические структуры обеспечивают преимущество носителей интенсивной и авторитарной власти, индексы цитирования (в идеале) – власти экстенсивной и диффузной. Правдоподобное предположение заключается в том, что институциональная структура академических систем способствует развитию неформальной организации сообщества ученых, максимально приспособленной для наращивания наиболее выгодного в ней вида властных ресурсов. Там, где этим видом оказывается диффузная и экстенсивная известность, возникают «теоретические группы» [9] и «сети интеллектуалов» [10], борющиеся за интеллектуальное доминирование. Там, где диффузная власть является второстепенным ресурсом, производство идей перестает быть оптимальным средством обеспечить свою собственную карьеру в академическом мире – и, вольно или невольно, ученые вынуждены сокращать инвестиции в их порождение и продвижение, тем самым создавая стагнацию в интеллектуальной жизни.

Мы можем оценить открытость академических структур разным видам власти, рассмотрев, контролируют ли их носители ключевые позиции, позволяющие им распоряжаться финансовыми потоками и распределением статусных символов внутри дисциплины. Картина в России получается смешанной. Так, статус академиков и членов-корреспондентов РАН – предположительно, гарантирующий наивысший престиж в дополнение к возможности участвовать в распределении значительных экономических средств – имеет в настоящее время 13 человек, указавших на официальных веб-страницах Академии социологию в качестве области своих интересов. Из этих тринадцати во всех приведенных выше списках фигурирует шестеро (Арутюнян, Заславская, Лапин, Осипов, Руткевич, Тощенко). Из оставшихся семи человек некоторые имеют нулевой индекс цитирования. Соответствующий экспертный совет ВАК, ведающий присвоением ученых степеней, в разные годы в значительной степени состоял из героев этого текста. Напротив, обладатели высоких индексов цитирования мало представлены в профильном экспертном совете РГНФ, крупнейшего государственного грантодателя.

Однако проверка гипотезы о том, что многократно оплаканный «кризис социологии в России» имеет именно эти истоки, выводит нас далеко за рамки данной статьи. За ними остается и обсуждение того, может ли повсеместное использование индексов цитирования как-то изменить ситуацию – и какими должны быть индексы, способные справиться с этой задачей.

Ссылки

1. Например, *Hargens, Lowell*. Using the Literature; Reference Networks, Reference Contexts, and the Social Structure of Scholarship. // *American Sociological Review*, 2000, Vol. 65, No.6. Pp. 846-865; *Najmann, Jake and Hewitt, Belinda*. The Validity of Publication and Citation Counts for Sociology and Other Selected Disciplines. // *Journal of Sociology*, 2004, Vol. 39, No.1. Pp. 62-80

2. Например, *Glaser, Johan*. Why the Most Influential Books in Australian Sociology Are Not Necessarily the Most Cited Ones? // *Journal of Sociology*, 2004, Vol. 40, No.3. Pp. 261-282

3. *Merton, Robert K.* The Mathew Effect in Science. // *Science*, 1968, Vol. 159. Pp. 56-63

4. *Volkov, Vadim* Between Economy and the State: Private Security and Rule Enforcement in Russia. // *Politics & Society*, Vol. 28, No. 4, 2000. Pp. 483-501

5. См. например статьи *Shalin Dmitri*. Sociology for the Glasnost Era: Institutional and Substantive Changes in Recent Soviet Sociology // *Social Forces*. 1990. Vol. 68. Pp. 1019–1039; *Lane, David*. Ideology and Sociology in the USSR // *The British Journal of Sociology*. 1970. Vol. 21, No 1. Pp. 43-51; *Greenfeld, Liah*. Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union // *Annual Review of Sociology*. 1988. Vol. 14. Pp.99-123; *Beliaev Edward, Butorin Pavel*. The Institutionalization of Soviet Sociology: Its Social and Political Context. // *Social Forces*. 1982. Vol. 61, No. 2. Pp. 418-435 и монографии *Fisher George*. Science and politics: The new sociology in Society Union - N.Y., 1964 *Simirenko Alex*. Soviet Sociology: Historical Antecedents and Current Appraisals. Chicago: Quadrangle Books, 1966. *Soviet Sociology, 1964-75: A Bibliography.* / ed. by Mervyn Matthews & T. Anthony Jones. New York and London: Praeger Publishers, 1978; *Zemtsov, Ilya*, Soviet Sociology: A Study of Lost Illusions in Russia under Soviet Control of Society. Fairfax: Hero Books, 1985; *Shlapentokh Vladimir*. The Politics of the Sociology in the Soviet Union. Boulder and London: Westview press, 1987; *Weinberg, Elizabeth A*. The Development of Sociology in the Soviet Union Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974 (Переиздание Ashgate, 2004) и, наконец, главу в *Гоулднер, Алвин*. Грядущий кризис западной социологии. С.Петербург: Наука, 2003. Гл. 12 («Упадок марксизма и возникновение академической социологии в Советской России»), С. 504-535

6. Примеры исследований науки, относимых к неовеберинской перспективе в этом понимании термина: *Starr, Paul*. The Social Transformation of American Medicine. Basic Books, 1982; *Bourdieu, Pierre*. Homo Academicus. Cambridge, UK : Polity Press, 1984; *Turner, Bryan S*. Sociology as an Academic Trade: Some Reflections on Centre and Periphery in the Sociology Market. // *Journal of Sociology*, 1986, Vol. 22, No. 2. Pp. 272-282; *Lamont, Michele*. How to Become a Dominant French Philosopher: The Case of Jacques Derrida. // *American Journal of Sociology*, 1987, Vol. 93, No.3. Pp. 584-622;

7. *Collins, Randall*. Is 1980s Sociology in the Doldrums? // *The American Journal of Sociology*, 1986, Vol. 91, No.6. Pp. 1336-1355

8. *Mann, Michael* *The Sources of Social Power: A History of Power since the Beginning till A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

9. *Mullins, Nicholas C.* The Development of Specialties in Social Sciences: The Case of Ethnomethodology. // *Science Studies*. 1973. Vol. 3. No. 3. Pp. 245-273

10. *Collins, Randall*. Toward a Theory of Intellectual Change: The Social Causes of Philosophies. // *Science, Technologies and Human Values*, 1989, Vol. 14, No. 2. Pp. 107-140. См. также *Коллинз, Рэндалл*. Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений. Новосибирск, 2002.